

Социологические теории как путеводитель по биографии

Л.В. Макарова

В системе современного российского высшего образования социология как предмет для несоциологических направлений подготовки преподается в качестве дисциплины гуманитарного, социального и экономического цикла и реализует общекультурные компетенции. Так, например, будущие экономисты, изучая социологию, должны развить «способность анализировать социально-значимые проблемы и процессы, происходящие в обществе, и прогнозировать возможное их развитие в будущем». Таким образом, именно социология должна выполнять главную социализирующую функцию — соединять личный интерес с интересами общественного развития. Но в современных условиях на пути этого соединения существуют определенные затруднения: во-первых, компетентностный подход подразумевает активность со стороны учащегося и, соответственно, интерактивные методы преподавания; во-вторых, в эпоху постмодерна размывается само понятие общества и социальные интересы неминуемо мельчают, вплоть до полного их сведения только к частному уровню; и в-третьих, многообразие и доступность информации делает бессмысленным

ее простую трансляцию. В таких условиях привычное дидактическое изложение учебного материала в назидательном тоне — сверху вниз — теряет свою актуальность.

Именно с этой точки зрения интересно рассмотреть весьма оригинальный учебник по социологии американских социологов П.Л. Бергер и Б. Бергер «Социология: биографический подход»¹. Это объемное учебное пособие предназначено не только и не столько для социологов, сколько для всех, кто готов принять социологические знания для формирования собственной системы координат в обществе.

П.Л. Бергер является одним из тех ученых, благодаря которым произошёл поворот к неклассической социологии, одним из авторов социологии знания. Именно такой неклассический подход позволил авторам сконструировать логику учебника одновременно и как путеводитель по социологии, и как социологический путеводитель по биографии современного человека. Сложность

¹ Бергер П.Л., Бергер Б. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М.: Академический Проект, 2004. 608 с.

осуществления такого подхода состоит прежде всего в том, что современная биография — это результат многократного выбора личности, что позволяет даже говорить о деинституционализации биографии по сравнению с эпохой модерна². Тем не менее социология знания предоставляет возможность осуществить такой биографический подход в подаче социологии и сделать знание социологических теорий жизненным путеводителем, позволяющим осуществлять тот самый выбор, перед необходимостью которого стоит любой современный человек. Как остроумно замечают авторы: у нас нет только одной возможности — возможности не делать выбор.

Биография рассматривается авторами «как совокупность карьер в институционализированных секторах»³, что позволяет подойти к социальным институтам как паттернам поведения и рассмотреть их через призму «опыта общества». Такой «опыт общества» авторы систематизируют с помощью социологического знания, отмечая, что потребность в нем особенно возрастает в связи с ситуациями жизненного выбора — «оказиями для размышления». Таким образом, социальные институты рассматриваются в логике личностного развития, а теоретические положения встраиваются в эту логику по мере их объяснительных возможностей.

В учебнике в полной мере проявляется свободное, свойственное американской социологии отношение к

корифеям науки как живым людям, предлагающим решения. Это позволяет авторам в нескольких строчках излагать основные положения практически всех классиков социологии — от О. Конта до Дж.Г. Мида, находя каждому свое место в процессе социологического объяснения и, что особенно ценно, соединяя эти положения в едином объяснительном процессе взаимодействия личности и общества на различных этапах биографии. Получается своеобразная живая социология, в которой дюркгеймовские социальные факты свободно превращаются в социальные институты, интернализируясь с помощью символов.

Весьма оригинальным решением, возможным именно с точки зрения биографического подхода, является рассмотрение П.Л. Бергер и Б. Бергер языка как социального института. Авторы доказывают, что именно язык, а не семья, является тем первичным базовым институтом, с которым сталкивается индивид в процессе социализации. Язык, таким образом, представляет собой своего рода институт институтов, на примере которого социологи представляют базовые характеристики институциональности как таковой: экстернальность, объективность, принудительную силу, моральный авторитет, историчность.

Следующим в логике биографического подхода становится институт семьи, авторы образно называют его «домашним портом», из которого индивид отплывает в свое долгое путешествие через общество»⁴. В этом контексте очень интересно замечание, что семья для ребенка

² Рожественская Е.Ю. Биографический метод в социологии М.: Издательский дом Высшей школы экономики 2012. С. 22.

³ Бергер П.Л. Бергер Б. Указ. соч. С. 39.

⁴ Там же.

является не социальным микромиром, а полноценным миром. Более того, отделенность семьи от крупных публичных институтов, обособленность частной сферы возникает исторически и трансформируется в зависимости от типа общества и социальной страты. Стратификационное рассмотрение семьи означает прежде всего ответ на вопрос о разнице социального капитала и соответствующих ему возможностей карьеры в других институциональных областях. Такой подход весьма перспективен в контексте формирования компетенций личного развития: на оценке семейного социального капитала можно строить тестирование в процессе обучения.

Следующей областью рассмотрения и стадией социализации, с точки зрения авторов, является община, которую они по аналогии с географическим ландшафтом называют ландшафтом человеческим. И здесь социологи, основываясь на знаменитых чикагских исследованиях, подчеркивают фундаментальное различие между социализацией в сельской и городской общинах: «жизнь в городе — это в значительной степени жизнь среди посторонних»⁵. Таким образом, городская социализация становится источником внутриличностного и межличностного конфликтов. Именно эта конфликтогенность городской среды заставляет благополучные семьи двигаться в пригороды в поисках лучших условий социализации для своих детей. В то же время «пригородная община в той степени, в какой она может действительно стать избавлением от городской ано-

нимности, достаточно часто может оборачиваться ловушкой социальной тирании странного нового типа крестьянского общества»⁶. Интересно, что на основе исследований американской действительности именно общину авторы учебника рассматривают как первый опыт социального неравенства, опыт депривации. В условиях современной России общинность как социальный опыт во многом утрачена (отсюда проблемы активности местного самоуправления) и нуждается в реконструкции. Соответственно, уже обнаружение проблемности этого опыта с помощью интерактивных методов обучения может послужить толчком к его активизации и перспективности карьеры в этом социальном секторе.

Следующим институциональным сектором, который подлежит рассмотрению, является образование. Школа представляет собой первый опыт формальной организации, который продолжается во всей системе образования. Формальная организация основывается на принципе индивидуальной состязательности, которая в американском обществе укоренена в протестантской морали: «оказать помощь более слабому сверстнику на экзамене — это в американской системе морально порицается как мошенничество»⁷. В связи с этим очень интересны были бы исследования социокультурных различий, вполне очевидных всякому, кто знает изнутри отечественную систему образования. В отечественной системе образования отказ в помощи более слабому на экзамене всегда расценивался и расценивает-

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Там же. С. 138.

⁷ Там же. С. 201.

ся в большинстве случаев сейчас как серьезное отклонение от социальной нормы, подвергаемое санкциям со стороны учащихся. Что уж говорить про намеренную слежку за соседом по парте на предмет списывания. Трудно даже определить, какие санкции в учебной группе за этим последовали бы, поскольку такие случаи далеко не каждому встречались в российской образовательной практике. Поскольку школа и университет рассматриваются авторами учебника как своего рода тренинг жизни в формальной организации и своего места в ней, то такое различие между американской и российской социальной культурой образования имеет далеко идущие последствия. Тут возникает множество весьма интересных вопросов как раз в контексте анализа социальных проблем, которому должны научиться современные студенты: к каким социальным последствиям приведет принципиальная переделка отечественной, традиционно не столько соревновательной, сколько помогающей, коллективной системы образования и насколько она вообще возможна? На каких основаниях, если не на честных правилах карьерного соперничества, строятся бюрократические организации в России и можно их вообще назвать бюрократическими в строго социологическом смысле?

В целом опыт бюрократических организаций авторы называют опытом переживания подвержения обработке, а базовыми характеристиками бюрократий (от церкви до правительства) называют: штаб, фиксированные области юрисдикции, иерархию, рациональную систему экспертиз и этос «объек-

тивности». Функция бюрократии состоит в обеспечении предсказуемости социальных процессов; соответственно, она формирует особый тип личности — человека, который «психологически неспособен иметь дело с чем-либо, что не является калькулируемым»⁸.

Бюрократия влечет за собой дихотомию ценностей и эмоций, жесткое разделение публичной и частной сфер. И в этом смысле очень важен социальный опыт переживания не только со стороны бюрократа, но и со стороны клиента; для того «чтобы эффективно справляться с бюрократизированным миром, индивид должен непрерывно контролировать различные эмоции»⁹. Авторы подчеркивают, что такое подавление эмоций обязательно будет вызывать необходимость компенсации в других областях жизни.

Таким образом, изучение особенностей бюрократии и карьеры в этом секторе подводит к необходимости усвоения особых психологических компетенций и объясняет столь широкую распространенность в современном обществе различных видов хобби, необходимость специально организованного досуга.

Следующий уровень социализации после образования и работы — опыт переживания власти и различий в обладании властью над многими людьми, который авторы связывают с теоретическим анализом элит.

И наконец, важнейший социальный опыт, связанный с длительностью биографии, с подходом к старости, — опыт социальных изме-

⁸ Там же. С. 277.

⁹ Там же. С. 237.

нений. П.Л. Бергер и Б. Бергер подчеркивают достаточно известную и очевидную, но часто игнорируемую закономерность социальных изменений: изменения делают харизматики, изменения имеют отчетливый поколенческий аспект и, соответственно, социальный опыт каждого человека связан с определенным циклом этих изменений: «отречение от харизматической авторитарности обычно можно датировать довольно точным способом — тем временем, когда вымирает первое поколение последователей»¹⁰. Во втором поколении ранее революционные социальные практики рутинизируются. Эта закономерность не только хорошо просматривается на примере революции 1917 г. в России, но и обладает прогностическими возможностями для понимания социальных изменений в современном российском обществе. Харизматичная привлекательность демократизации превращается в рутинную повседневность для постсоветского поколения и

возникнет вопрос о новой харизматичности как источнике социальных изменений. Какую направленность она примет? Это вопрос ценностей той самой постсоветской молодежи, которая сегодня и учится анализировать социальные проблемы через призму собственного опыта. Именно в связи с анализом социальных изменений возникает реальная возможность прогнозирования социальных процессов, которая в процессе обучения может быть реализована с помощью увлекательных тренингов и деловых игр.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы в отечественной образовательной практике появились действительно интересные интерактивные учебные пособия, основанные на отечественной социологической мысли и на отечественном фактическом материале. А американская «Социология: биографический подход» может послужить весьма продуктивным источником интересных идей на этом пути.

¹⁰ Там же. С. 338.